Дмитрий Рогозин, Ирина Шмерлина

«Фантом коррупции»: аналитическая реконструкция общественного феномена

Статья представляет собой попытку рассмотрения феномена коррупции в культурно-историческом, антропологическом, институциональном и этологическом ракурсах. Подобный подход позволяет авторам уйти от обыденных представлений о коррупции как об организованной структуре персонализированных отношений и увидеть, что за словом «коррупция» скрываются весьма разноплановые общественные явления.

Ключевые слова: взятка, институциональный подход, коррупция, этология, экспертные интервью.

Проблематизация

Бытует мнение, что коррупционные отношения опираются на разветвленные иерархические структуры, спаянные взаимными обязательствами, «систему персонализированных отношений»[1]. Поддерживаемые доходами от нелегальных услуг, они позволяют воспроизводить системные и хорошо отлаженные механизмы распределения поступающих денежных средств и возникающих

Дмитрий Михайлович Рогозин — социолог (МВШСЭН, 2000), кандидат социологических наук (ИС РАН, 2002), декан факультета социальных наук МВШСЭН, директор Центра методологии федеративных исследований РАНХиГС при Президенте РФ, старший научный сотрудник Института социологии РАН.

Ирина Шмерлина — 1961 года рождения, закончила историко-филологический факультет Нижегородского гос. ун-та им. Н. И. Лобачевского (1983), факультет социологии Московской высшей школы социальных и экономических наук (2001). В 1991 году защитила кандидатскую диссертацию по социальной философии (Нижегородский гос. университет). Старший научный сотрудник Института социологии РАН, ведущий научный сотрудник Центра методологии федеративных исследований РАНХиГС. Научные интересы: междисциплинарный анализ социальности, социальные институты, семиотика, актуальные тенденции российской повседневности.

1 Аузан А. Заложники недоверия: интервью/Беседовала Т. Малкина // Отечественные записки. 2012. №2. С. 60.

при этом рисков. Круговая порука, взаимные обязательства, покровительство начальства и т. д. воссоздают типичный дискурс о коррупционности власти и тотальном разложении общества. Описывать коррупцию как системное и хорошо отлаженное явление, составляющее теневую опору социального порядка, удобно, поскольку это объясняет тотальность и распространенность нелегальных сделок, проходящих вне законодательно закрепленной системы бухгалтерского учета. Коррупция как система — типичный и образ, представленный как в средствах массовой информации, так и в академических изданиях:

«Рядовой налоговый инспектор, конечно, „кормится“ от контролируемых им объектов, но далеко не все «откупные» теневого бизнеса достаются ему лично. Значительная доля уходит вверх. На более высоких этажах решаются более серьезные проблемы бизнеса, соответственно, цена вопроса растет. И опять происходит «дележ» с верхом. Все уровни властной иерархии вносят свой вклад в этот поток. Так формируется коррупционная пирамида. При этом вряд ли кто из «пайщиков» понимает конечный размер, маршрут и, главное, назначение отправляемых наверх средств. Но каждый понимает, что его место в системе зависит от неукоснительного соблюдения заведенного порядка»[1].

Вместе с тем существует ряд затруднений, связанных с системным представлением коррупции. Во-первых, за последние двадцать лет ни разу не были выявлены разветвленные сети коррупционеров. Как правило, уголовные дела ограничиваются единичными актами передачи денежных средств, за редким исключением затрагивающие нескольких должностных лиц. Так, в 2011 году из почти 50 тыс. предварительно расследованных за 9 месяцев преступлений коррупционной направленности совершены организованными группами только один процент[2]. Причем по обозначенным делам проходило не более трех — четырех человек. Объясняется такая ситуация хорошей защищенностью коррупции верхнего уровня от любых процессуальных действий. Однако при иерархической организации коррупционных сделок должны хотя бы изредка выявляться несколько уровней товарно-денежных потоков, основанных на услугах теневого характера. Кроме того, системный характер отношений предполагает разветвленную сеть горизонтальных отношений, информация о которых также отсутствует.

Во-вторых, в разговорах с участниками коррупционных сделок, инициируемых в рамках этнографических исследований теневой

1 Барсукова С. Ю. Неформальная экономика. М.: ГУ-ВШЭ, 2009. С. 293–294.

2 Егоров И. Взятка от вора: криминальные авторитеты стали все чаще подкупать чиновников // Российская газета. 2011. 26 декабря. № 5667 (291).

экономики[1], представление о системном характере последней почти не подтверждалось. С одной стороны, информанты ссылались на тотальность теневых отношений, безальтернативность вхождения в них, с другой — конкретные описания коррупционных схем, как правило, ограничивались локальными, единичными случаями[2]. Они объединялись лишь по содержательному подобию, но никак не были связаны в некоторую единую структуру или сеть.

В третьих, исследователи коррупции ни разу не задались вопросом о проблематичности ее системного характера. Представления о разветвленном характере коррупционных сетей скорее служат основанием для дальнейших теоретических построений, нежели подвергаются критическому разбору. По всей видимости, заключение об иерархическом строении коррупционных отношений исходит из факта наиболее частого обнаружения последней в бюрократических структурах. Однако изоморфизм среды бытования и внутренней структуры коррупции весьма проблематичен и требует дополнительной аргументации.

Первое из выявленных затруднений затрагивает правовую область, второе — практическую и третье — теоретическую. Ни в одной из них внимательный читатель не обнаружит каких-либо следов аргументированного представления о системных коррупционных отношениях.

Теоретические подходы к анализу феномена коррупции

В настоящей работе предпринята попытка теоретического «препарирования» феномена коррупции в четырех аналитических планах:

— культурно-историческом;
— антропологическом;
— этологическом;
— институциональном.

1. Культурно-исторический подход к анализу коррупции в определенном смысле — самый «выигрышный», располагающий бо-

---

1 Мы опираемся на материалы научно-исследовательского проекта, выполненного Центром социологических исследований РАНХиГС при Президенте РФ в рамках научно-исследовательского сопровождения подготовки «Стратегии 2020» во второй половине 2011 года. Предварительные результаты проведенной работы были опубликованы в специальном номере «Отечественных записок», посвященному коррупционному контракту. Далее в тексте приводятся фрагменты экспертных интервью (ЭИ) из материалов данного исследования.

2 Жарков В. П., Рогозин Д. М. Разговоры о коррупции с очевидцами // Отечественные записки. 2012. № 2. С. 103–138.

гатейшей фактурой. Века российской истории накопили массу подтверждений бессмертного «крадут» Н. М. Карамзина. Яркую и многогранную россыпь исторических подтверждений можно найти в работах[1]. Судя по этим свидетельствам, коррупция в России носила тотальный характер и изначально была встроена в механизм производства и отправления государственных решений. Иначе говоря, без теневого механизма взятки государственно-бюрократическая машина просто бы не работала:

«До 1815 года многие чиновники с низкими окладами, и особенно канцеляристы, служили лакеями, кучерами, сторожами и швейцарами. Как правило, эта работа была более оплачиваемой, чем государственная служба....В 1815 году гражданским служащим было запрещено исполнять одновременно несколько должностей, что лишило их возможности содержать себя честным путем.... Прожить на одно жалованье было практически невозможно. ... Злоупотребления вытекали из самой жизни и состояния общества, поэтому их нельзя было ликвидировать росчерком пера или очередным указом. „Правительство искушает честность, оставляя ее в бедности...“, — писал по этому поводу в 1803 году публицист и директор Царскосельского лицея В. Ф. Малиновский»[2].

Своеобразный аналог подобного официального лицемерия можно увидеть в забытом сегодня концепте «социалистическая предприимчивость», активно использовавшемся в официальной риторике брежневского периода отечественной истории. Советские директора давали адекватный перевод этого оксюморона: он означал обход, на свой страх и риск, правовых ограничений хозяйственной деятельности. В ряде случаев директора награждались за это, получали грамоты, переходящие знамена победителя социалистического соревнования и т. п., в других (по существу аналогичных) попадали за решетку.

Уже беглый экскурс в исторический генезис российской взятки показывает, что она возникает как логическое продолжение института кормления и в этом своем качестве закрепляется в российской общественной системе:

В допетровской Руси вся местная власть — воеводы и их штат — казенного жалованья от московской власти не получали и лично устанавливали поборы на собственной содержание....Петр I признал этот институт «кормления» пагубным, но назначенные им окла-

1 См.: Голосенко И. А.. Феномен «русской взятки»: очерк истории отечественной социологии чиновничества // Журнал социологии и социальной антропологии. 1999. Т. 2. № 3; Кирпичников А. Взятка и коррупция в России. СПб.: Изд-во «Альфа», 1997; Писарькова Л. Ф. Российский чиновник на службе в конце XVIII — первой половине XIX века // Человек. 1995. № 3.

2 Писарькова Л. Ф. Указ. соч.

ды чиновникам (даже губернаторам) выплачивал нерегулярно, в уменьшенном размере и т. п. что неизбежно гальванизировало систему «кормления» и подношения[1].

По-видимому, именно институциональной встроенностью взятки можно объяснить феномен поразительной лояльности российского общественного сознания к этому явлению.

Во все судебные установления от земского суда до Сената проситель никогда не приходил с пустыми руками. По понятиям того времени добровольные приношения были вполне законны и отказываться от них «значило бы обидеть просителей и выказать пустой педантизм»....Отношение общества к допускавшим злоупотребления было более чем терпимым: «...Люди, которые „пользовались“... большей частью богомольны и щедры к церкви, и потому на хорошем счету у духовенства; они много забирают в лавках и потому уважаются купечеством; они делают приемы и дают праздники, следовательно, очень симпатичны отцам семейств, танцующей молодежи, дамам и девицам; они влиятельны, и потому всегда найдут случай угодить нужному человеку. Гораздо менее сподручен какой-нибудь «бессребреник». Идя против общего течения, не находя себе поддержки, он, большей частью, бывает желчен, сух, малодоступен. Для общественной жизни он бесполезен и даже неприятен, потому что в нем чуется какой-то безмолвный протест... большинство одобрительных голосов будет на стороне того, кто плывет по течению, кто «живет и дает жить другому», кто «душа-человек»[2]; «... злоупотребления властью уже вошли в плоть и кровь чиновничества, приумножились и просочились на все инстанции. Процесс „давать — брать“ взятку был обоюдным и к нему привыкали обе стороны — чиновники и просители любых сословий — дворяне, купцы, мещане, крестьяне. Ненормальность, уродливость подобного способа управления переставали замечать, он становился повседневным, как бы естественным, само собою разумеющимся. Особенностью «русской взятки» было то, что ее перестали стыдиться, а если кто и возмущался, то его считали неисправимым «идеалистом» ....»[3].

Следы подобной ситуации — как в плане институциональных предпосылок, так и снисходительности общественного мнения

1 Голосенко И. А. Феномен «русской взятки»: очерк истории отечественной социологии чиновничества // Журнал социологии и социальной антропологии. 1999. Т. 2. № 3.

2 Писарькова, Л. Ф. Российский чиновник на службе в конце XVIII — первой половине XIX века // Человек. 1995. № 3.

3 Голосенко И. А. Феномен «русской взятки»: очерк истории отечественной социологии чиновничества // Журнал социологии и социальной антропологии. 1999. Т. 2. № 3.

по отношению к взятке сохраняются и сегодня. Именно вокруг этих предпосылок выстраивался аналитический дискурс участников экспертных интервью:

«...Нашей политической системе на это просто наплевать....у нее снимается проблема с тем, как кормить всю эту армию. У меня знакомый работает в кадастровой палате Московской области. Зарплаты у ведущего инженера кадастровой палаты составляет 7–12 тысяч рублей в зависимости от премии. Как Вы думаете, человек, через которого проходят документы на землю стоимостью в сотни миллионов долларов в месяц, а, может быть, и миллиарды долларов, потому что в Московской области земля очень дорогая...» (ЭИ).

«...вопрос такой — реальной благодарности и понятие того, что любая работа должна быть оплачена. К этому я отношусь достаточно нормально и считаю, что если человек от какой-то процедуры может получить большую выгоду, то это может быть, как в старые русские, древние времена — десять процентов, в общем, такой реальный вклад во что-то, т. е., десятина» (ЭИ).

Уязвимость исторического подхода состоит, прежде всего, в том, что взятка, при всей ее национальной колоритности и укорененности, — интернациональное явление. Проблема коррупции, так или иначе, актуальна для любой цивилизованной страны (кроме тоталитарных режимов, которые, однако, вряд ли можно рассматривать в этом ряду).

2. «Антропологический» взгляд на проблему может быть сведен к простому короткому тезису «такова природа человека». Этот подход достаточно четко артикулирован в экспертных интервью:

«...коррупцию искоренить невозможно. Это связано с сущностью человека. Я думаю, что коррупция связана во всех странах мира» (ЭИ).

«Вот коррупция, она всегда... без коррупции невозможно. Коррупция всегда будет присутствовать» (ЭИ).

«Там, где можно заработать деньги, люди их зарабатывают. Когда это незаконный способ — то это незаконный способ» (ЭИ).

С точки зрения здравого смысла этот подход кажется бесспорным, но в аналитическом плане оказывается наиболее плоским. В частности, непонятно, о какой именно «природе человека» здесь может идти речь — о нравственной? генетической? социальной? В случае последнего предположения более перспективно обратиться к этологическому подходу.

3. В рамках этологического подхода коррупцию можно понимать как элементарную форму социальных взаимодействий, неизбежно появляющуюся при заданных условиях среды. Этнографические наблюдения за коррупцией достаточно аутентично описываются именно такой моделью.

Ближайший аналог, который приходит на ум в результате данных наблюдений, — это агрегации. В этологии под агрегациями понимаются «объединения животных, которые формируются под действием какого-то физического фактора среды (пищи, температуры и т. п.). Примером агрегации могут служить стайки головастиков в прогретых солнцем местах водоема»[1]. Как стайки головастиков собираются в прогретых солнцем местах водоема, так и склонные или спровоцированные к наживе индивиды концентрируется в местах, благоприятных для скрытого присвоения материальных благ. Это — специфическая форма агрегации, основанная на теневом освоении неподатливой для прямых и открытых интервенций институциональной среды. Такая, достаточно радикальная метафора, оказывается весьма плодотворной. Этологическая исследовательская программа дает возможность взглянуть на явление коррупции с необходимой аналитической дистанции, что позволяет избавиться от рудиментов обыденных представлений о социальном и обозначить шаблонные системные описания.

Что касается системного представления коррупции, то вместо тиражирования стереотипного образа «коррупционной сети» стоит обратить внимание на универсальные механизмы дистантных сетевых взаимодействий. Весьма эвристичным в этом отношении будет экскурс в биохимию социальности. Так, в колониях прокариот существуют авторегуляторы, поддерживающие дистантную химическую коммуникацию между пространственно разделенными в масштабах колонии клетками[2]. Нечто подобное можно увидеть и в коррупционных коммуникациях. С одной стороны, отношения между участниками любой коррупционной сделки всегда имеют предельно персонифицированный характер. При этом персонифицированные отношения поддерживаются анонимными формами взаимодействия. Это — один из парадоксов коррупции. Демонстративная анонимность есть авторегулятор коррупционных практик, находящий воплощение в спонтанно формирующемся наборе правил, задающих и определяющих особенности индивидуальных обменов. Локальные коррупционные сообщества, в которых реализуются те или иные схемы кормления (откаты или распилы), держатся на демонстративном умолчании не только об участниках транзакций, но и правил их проведения. «Все всё знают» — универсальная формула коррупционных взаимодействий, позволяющая сохранять устойчивость и надежность весьма рискованных операций.

---

1 Зорина З. А., Полетаева И. И., Резникова Ж. И. Основы этологии и генетики поведения. М.: Изд-во МГУ, 1999. С. 98.

2 Олескин А. В. Биосоциальность одноклеточных: на материале исследований прокариот // Журнал общей биологии. 2009. Т. 70. № 3. С. 227.

Даже в тех случаях, когда коррупционная схема включает более двух участников, кооперация в проведении такой теневой сделки опирается на механизмы изоляции, способствующие обособлению отдельных коррупционных групп и блокированию рискованных информационных или денежных потоков. Прибегая к языку системно-биологических описаний, в подобных случаях можно говорить о механизмах структурирования и обособления популяций: «изоляция популяций друг от друга — отражение избирательности афилиации между микробными клетками. Она проявляется в явлении „неслияния колоний" микроорганизмов, растущих на одной чашке Петри. Как уже отмечалось, именно такая взаимная изоляция, являясь аналогом феномена «избегания чужака» у различных животных (и в человеческом обществе), способствует структурированности и обособленности микробных биосоциальных систем»[1].

Такая модель, предполагающая существование совокупности отдельных, четко дистанцированных и взаимно изолированных друг от друга «коррупционных популяций», задает совсем иной системный образ коррупции, нежели иерархически выстроенная разветвленная «коррупционная сеть». Неудивительно, что оперативно-розыскные мероприятия, направленные на раскрытие последней, не могут привести к желаемым результатам. В привычном общественному сознанию формате последней попросту не существует. С одной стороны, внешняя институциональная среда создает условия для воспроизводства диффузных, но подчиненных единым правилам и нормам агрегаций. С другой — локальные объединения, связанные уже тесными контрактными отношениями, формально воспроизводят анонимные схемы взаимодействия. Как агрегационная среда, так особенности индивидуальных коррупционных отношений создают условия для надежного сокрытия реальных участников сделок и невозможности локализации коррупционной среды, исходя из обнаруженных отдельных элементов. Аморфная, построенная на слабых и неочевидных связях агрегация не может быть разрушена исходя из схематического поиска сетевых, иерархически устроенных сообществ. Более того, усилия по разработке бюрократически опосредованных процедур борьбы с коррупцией создают дополнительное обрамление, рамку ее воспроизводства. Иными словами, коррупция и борьба с ней — явления одного порядка, поддерживающие развитие и укрепление теневых популяционных практик. Если первая образует среду их бытования, вторая конституирует границы этой среды, не позволяя размываться смыслам, поддерживающим неформальные взаимодействия. Кор-

1 Олескин А. В. Указ. соч. С. 226–227.

рупция паразитирует на формальных бюрократических структурах и практиках, в том числе направленных и на борьбу с ней.

Коррупция, понятая этологически, как некий способ социальной самоорганизации в заданных условиях среды, должна быть везде, поскольку в любом, самом благополучном обществе, существуют неравные доступы к ресурсам и возможность теневого восстановления этой «экзистенциальной несправедливости», сопряженная с допустимыми рисками. Исключение составляют тоталитарные общества, где баланс рисков/выигрышей слишком смещен в сторону первых. Во всех же «цивилизованных» сообществах коррупцию легко вычислить — как когда-то этологи вычислили голого землекопа[1]. Она должна быть везде, даже в благополучной Швейцарии. И, как показывают социологические наблюдения, она действительно есть везде, в том числе благополучной Швейцарии.

Не следует видеть в этологическом подходе некую скрытую попытку морального оправдания коррупции. Сфера нравственных оценок и социального формообразования — это принципиально разные миры, в каждый из которых следует входить со своими правилами. При этом и в аналитическом, и в социально-прагматическом плане важно различать этологический и институциональный уровни коррупции.

4. Институциональный подход. Резюмируем сразу: институциональная диагностика коррупции — это самое главное в плане понимания состояния «общественного организма». При этом в теоретическом плане говорить об институте коррупции в полном смысле слова некорректно: институт представляет собой достаточно сложно организованную реальность, которая находит воплощение в (а) формальных или неформальных, но в любом случае достаточно жестко закрепленных правилах поведения (в случае легального института — в нормах права); (б) соответствующих установках обыден-

1 Голый землекоп — уникальное животное: «млекопитающее с замашками термита» (Панов Е. Н. Бегство от одиночества. Индивидуальное и коллективное в природе и в человеческом обществе. М.: Лазурь, 2001. С. 386). В известном смысле оно было предсказано биологами (о его физическом существовании знали, но образ жизни оставался загадкой). Как рассказывает Е. Н. Панов, «американский зоолог Р. Эликсендер предположил, что общины того типа, что существуют у термитов, могли бы возникнуть у некоего гипотетического вида млекопитающих, если бы этот вид существовал в определенных специфических условиях. А самое главное условие — это осуществляемый тем или иным способом запрет на систематическую свободную эмиграцию индивидов из растущего коллектива» (Панов Е. Н. Бегство от одиночества. Индивидуальное и коллективное в природе и в человеческом обществе. М.: Лазурь, 2001. С. 385). Голый землекоп как раз и оказался реальным воплощением подобного гипотетического вида.

ного сознания; (в) четко прописанных статусно-ролевых позициях и стандартных, общепринятых паттернах поведения; (г) организационных структурах, обеспечивающих правильное «исполнение» института, то есть обладающих определенными средствами принуждения, а также (д) определенном нормативно-ценностном комплексе, обеспечивающем идейную легитимацию института[1].

Очевидно, что описать в этих категориях коррупцию (в отличие от, например, мафии) невозможно, при том, что некоторые из этих критериев достаточно хорошо различимы в исторических и современных «рассказах о коррупции». Как бы то ни было, речь может идти только об институциональной включенности, встроенности коррупционных отношений в легально функционирующий институт.

В то же время различить этологическую и институционализированную коррупцию аналитически несложно. Например, когда преподаватель берет деньги за удовлетворительную оценку, вполне очевидно, что это просто банальная бытовая взятка. Совсем иная конфигурация социальных отношений проступает в особенностях функционирования института судебных приставов, который просто не работает без приводного механизма взятки. Во всяком случае, именно так данный институт описан в одном из экспертных интервью:

«У среднего статистического исполнителя по Москве в производстве находится 150–350 дел. Поэтому, естественно, при такой загруженности и известный факт, что средняя зарплата по Москве судебного пристава составляет 6000–8000 в месяц. Его функционал, кроме того, что он должен отправить чисто формальные запросы о наличии активов должника: по заработной плате, наличия имущества, источников дохода. Пристав по получении этих документов должен на объекты, разыскиваемые им, — существующая специально служба розыска у судебных приставов — должен произвести выезд на место нахождения имущества и арестовать его в ходе исполнительного производства для дальнейшей реализации и наложения обращения взыскания в счет погашения задолженности кредитора. По факту приставы, кроме формальных запросов в налоговую и по месту нахождения должника, в лучшем случае это делают. В случае, даже если нам известно, лично нам известно — службе безопасности <речь идет о специальном подразделении организации, в которой работает информант, — ред. >, известны разыскиваемые активы должника. Либо это залоговое имущество, либо разысканное в ходе работы непосредственно нашего отдела безопасности, моими сотрудниками, моими силами, хотя этим должны заниматься судебные приставы и отдел розыска. Отдел розыска, сразу говорю, не работает вообще. Я за три года работы ни разу ничего не нашел с помощью отдела розыска....Любой судебный пристав, в чьем находится производство, не бу-

1 См.: Шмерлина И. А. Социальный институт: обзор исследовательских подходов // Социологический журнал. 2008. № 4. С. 53–69.

дет никаких юридических последствий, т. е. то, что мы можем по закону о судебных приставах, это написать жалобу о его бездействии, и он получит прокурорское предупреждение. Никаких последствий ему это не влечет, потому что его начальник, который должен по итогам этой прокурорского предупреждения объявить взыскание, депремировать чего-то, понимает, что у него 300 дел, а он человек один. Поэтому кроме формализма и негатива, если мы напишем, и пишем эти жалобы на действие, точнее бездействие судебных приставов, ничего не получают» (ЭИ).

Из этой обстоятельной цитаты видно, что реально институт судебных приставов работает (а) при условии дополнительного материального стимулирования (б) в тесном взаимодействии с истцом. Важными симптомами того, что речь в данном случае идет не о коррупции «внутри» института, а о некоей полутеневой конфигурации последнего, являются процедурная «отработанность» схем действия, фиксированные ставки, а также явные признаки «организационного строительства»: в организациях, по роду своей деятельности часто зависящие от судебного производства, выделяются соответствующие службы и необходимые средства для «коррупционного стимулирования» судебных приставов.

«На практике в организации выделяются деньги на расходы, на оплату услуг исполнительных приставов, которые по договоренности с нашими сотрудниками, мы их берем, в служебном автомобиле везем, подвозим к этому имуществу, которое должен разыскать этот судебный пристав отдела розыска. Т. е. которое уже разыскано, работа уже проведена» (ЭИ).

Интервьюер: *«Какой примерно порядок цен?»;*

Эксперт: *«Я могу сказать — фиксированный, то, что у судебных приставов фиксированное. Это для того, чтобы арестованное уже имущество быстро реализовать, чтобы это не затягивалось на года. Они просят 20 000 $....И это для того, чтобы они начали им заниматься. Более того, они могут и не продать. ...<Это> стартовая сумма для того, чтобы они с тобой начали разговаривать и сказали, что будут этим заниматься. Это из фиксированных вопросов» (ЭИ).*

Механизм настолько четко отлажен, что его трудно назвать «коррупцией». Скорее, это действительно теневой институт, выработанный в соответствии с принципами «социалистической предприимчивости». При этом, что важно, речь не идет о попытке обойти закон или нормы справедливости — никаких правовых или морально-этических коллизий здесь не возникает: *«...я к ним прихожу с просьбой не какого-то неформального содействия, а прихожу с просьбой, чтобы они выполнили свои служебные обязанности. И никаких просьб там. То, что они должны сделать нарушение своих должностных обязанностей или законодательства, которое устанавливает их работу, я никогда не прошу. Я прошу у них, чтобы они сделали свою работу. Поэтому „извините, мы этим не занимаемся" или «нам стыдно», понятно, что это прозвучать не может». (ЭИ)*

Взятка, таким образом, выступает в данном случае в роли функционально необходимого элемента, без которого институт просто не может работать. Причем, этот элемент обеспечивает не только материальную, но и моральную мотивацию «взяточников». Любопытный момент — то искреннее, едва ли не «бескорыстное» рвение судебных приставов, которые «запускаются» таким образом в работу:

«Опять же, у них получается искать, когда мы оплачиваем, у них глаза горят, т. е. молодые там люди, 25 лет у них средний возраст, до 30 редко. И они будут знать, для чего работать, зачем они уезжают из города в ночное время и после работы, когда действительно должник дома, а днем все люди на работе» (ЭИ).

Обратим внимание на то, что в экспертном описании действия полутеневого института судебных приставов не звучит тема «коррупционной сети». Более того, в случае встроенности взятки в действующий легальный институт никакой сети не нужно — все необходимые паттерны взаимодействие институционально прописаны и отправляются без всяких конспиративной регуляции.

Последовательно проведенный институциональный подход к феномену взятки позволяет увидеть принципиальное различение между институционализированными и коллективно организованными формами коррупции. Институциональная и сетевая оформленность коррупции — это разные вещи, и диагностируются они по разным основаниям. Фактически, это — ортогональные оси измерения данного феномена (см. рис.).

Рис. Типология коррупции

Как показывает пример судебных приставов, институциональная встроенность коррупции совершенно не обязательно предполагает наличие плотной сети персональных контактов. С другой стороны, факт наличия личного сговора между ограниченным и персонально обозримым числом участников не свидетельствует об институциональной включенности коррупции. Коллективные объединения «по интересам» существуют даже в животном мире («банды», «альянсы»)[1].

Обсуждение

Ни факты общественной жизни, ни специальные этнографические наблюдения, ни аналитическая реконструкция феномена коррупции не дают явных свидетельств существования в стране «коррупционной сети». Было бы слишком сильным утверждением говорить о ней как о «фантоме» — хотя бы в силу того, что исторические прецеденты структур такого рода выявлялись (см. ниже). Очевидно, однако, что в реальности имеют место специфические негативные практики, весьма отличающиеся по своей социальной природе, объединение которых под зонтичным термином «коррупционная сеть» только мешает делу. На рис. показаны четыре идеально-типические модели коррупции, и лишь две из них служат методологическим основанием для поиска «коррупционных сетей». Заметим, что в реальной жизни формирование таких сетей представляется слишком затратным и рискованным мероприятием. Гораздо проще добиться нужного результата через индивидуальное действие или институциональную включенность.

В литературе можно найти исторические примеры институционально организованных коррупционных сетей, однако в подобном случае трудно отделить реальные факты от интерпретаций свидетелей: «будущий сенатор А. Г. Казначеев, назначенный начальником казенного управления в губернию П., по приезде обнаружил, что „все начальствующие лица, начиная с писаря (в нем-то была вся суть), представляли крепко устроенную организацию с целью обирания казны и крестьян“....В департаменте полиции, по слухам, для получения взяток существовала особая агентура, которая находилась в счетном отделении, «как наименее влияющем на дела и, следовательно, наименее могущем возбудить подозрение»[2].

1 Подробнее см. в: Шмерлина И. А. «Физика» социальности // Вестник Российской академии наук. 2003. Т. 73. № 6. С. 521–532.

2 Писарькова Л. Ф. Российский чиновник на службе в конце XVIII — первой половине XIX века // Человек. 1995. № 3.

Современная российская жизнь изобилует скорее примерами не мафиозных институтов, но весьма органичной институциональной включенности коррупции в легальные структуры и неизбежно связанной с этим легитимацией данного явления. Между прочим, именно так квалифицирует положение дел один из наиболее проницательных экспертов:

«Нет коррупции. Коррупция была пятнадцать лет назад. Когда чиновник исполнял... знаешь, выходя из-за печки, очень сильно оглядываясь, через пять посредников выполнял тему взять бабла в конверте. И за это сделать что-нибудь незаконное. Он отрабатывал полученное бабло. Тоже боялся. Все тусовались. Всех заносило. Он покупал. Покупал неправильно решение. Это была коррупция. Сейчас такая коррупция, начиная от тети Маши-санитарки в больнице, понимаешь, учителя в школе и несчастного мента, который взял там пять тысяч за одну сплошную... А коррупции уже нет. Потому что, народ уже спокойно, официально, уверенно...перед бюджетом. Некоторый идет и спокойно покупает себе за восемь миллионов иномарку. Это коррупция? Зачем ему? Зачем ему из-за печки подставляться? Он ее покупает себе только потому, что так положено. Он получает себе квартиру. И зачем ему коррупция? Поэтому коррупции нет....То есть раньше человек понимал, что он делает плохо, что он делает незаконно, он должен был отработать те, завязтые бабки....Никакой коррупции нет, мы просто так живем....Это нормальный феодализм. Ты получил возможность по должности. Ты учился, ты получил специальность. Ты пришел работать и ты прекрасно понимаешь, что зарплата там восемь, пятнадцать, двадцать тысяч — это несколько не то....Причем ты пришел с полным сознанием своего права....вот ректор ВУЗа, зачем ему брать? Он просто берет бюджетные деньги и покупает себе крутую тачку. Которые он в жизни не заработает. Может, Перельман получил там Нобелевскую премию может, условно там говоря, ... великий ученый получил, он купил себе МАЛЬБОРО и ездит. Но ректор ВУЗа не заработал себе на немецкую тачку....А дальше у него альтернатива, либо брать у студентов, либо... сейчас можно официально на ВУЗ... Человек ничем не рискует. Он выписывает себе официальные премии и бонус, гранты. Официально! А это там, чего-то под столом, пришел, чего-то дал. Это несчастная власть сейчас этим занимается. Вот учитель, мент на улице этим занимается. А этому человеку, зачем ему это надо?» (ЭИ).

Иначе говоря, рассуждает эксперт, то, что принято называть «коррупцией», — высоко рискованные формы личного обогащения за счет служебного ресурса — перешло на нижний и средний уровень. Коррупцией теперь «занимается» санитарка в больнице, но не крупный чиновник:

«...Вот тетя Маша, приходишь в больницу, подходит нянечка и говорит: — Сынок, простынку чистую хочешь? — двадцать рублей. Ложечку хочешь? Десять рублей. А она кто? Она тоже коррупция» (ЭИ).

В случае же институционально организованной деятельности никакой коррупции уже нет:

«Никто ничего не украл. Нет преступников. Вора нет, преступников. Вот бюджет,...там подпись, все подписали...» (ЭИ).

К подобному же, по сути, выводу пришел другой эксперт, зачислив коррупцию в разряд «транзакционных издержек» (!!):

«Ну, понимаете, в чем дело,...на самом деле эпоха изменилась, мы, как всегда, пропускаем прагматический сдвиг. Я не считаю сейчас коррупцию основной проблемой, честно говоря....мы заговорили одни из первых о коррупции как о собственной системообразующей... Сейчас, честно говоря, есть вещи важнее коррупции. Потому что, с коррупцией все свыклись. Это некие издержки транзиционные, которые уже заложены, собственно говоря, в смету. Да? Ну, и идет процесс, идет перераспределение. Это механизмы реальны, есть перераспределение...» (ЭИ).

Ирония ситуации состоит в том, что, согласно воззрениям неоинституционалистов, транзакционные издержки — это собственно, то, вследствие чего существует институт[1].

В других экспертных интервью качественное различие между этологической и институциональной формой коррупции осмысляется в виде несовпадения количественных, масштабных параметров «нормальной» и «ненормальной» коррупции: *«...коррупцию искоренить невозможно....Я думаю, что коррупция связана во всех странах мира. А вот сведение ее до каких-то приемлемых размеров, на мой взгляд, это насущная необходимость. (ЭИ)...Важно ввести ее в рамки» (ЭИ).*

«Я думаю, что коррупция на самом деле во всем мире присутствует. В России она еще приняла и такой разгульный образ. Этим начинают гордиться. А это не очень...» (ЭИ).

Заключение

Аналитический жанр данной работы не предполагает ни моральных оценок, ни «выводов и рекомендаций». Имея дело с явлением, многократно, сочно и порой очень проницательно описанным обыденным сознанием, мы стремились лишь наложить некие теоретические сетки на все те разнообразные варианты взаимоотношений людей, которые называют словом «коррупция», понять социальную природу этих отношений.

В ходе аналитической реконструкции выяснилось, что подлинная, «аутентичная», системно организованная коррупция, на борьбу с которой направлены усилия правоохранительных ор-

1 Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики/Пер. с англ. А. Н. Нестеренко; предисл. и науч. ред. Б. З. Мильнера. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997.

ганов, — довольно редкое явление. Чаще коррупция представляет собой некий трудноуловимый фантом, который в одних случаях существует лишь в виде локальных коротко-замкнутых и быстро распадающихся соединений, в других растворяется в структурно-процедурных принципах устройства официального, легально действующего института, в третьих — выливается в обычную «составляющую нашей жизни» (ЭИ).

Библиография

1. *Аузан А. Заложники недоверия: интервью/Беседовала Т. Малкина // Отечественные записки. 2012. № 2. С. 59–70.*
2. *Барсукова С. Ю. Неформальная экономика. М.: Изд-кий дом ГУ-ВШЭ, 2009.*
3. *Голосенко И. А.. Феномен «русской взятки»: очерк истории отечественной социологии чиновничества // Журнал социологии и социальной антропологии. 1999. Т. 2. № 3.*
4. *Егоров И. Взятка от вора: криминальные авторитеты стали все чаще подкупать чиновников // Российская газета. 2011. 26 декабря. № 5667 (291).*
5. *Жарков В. П., Рогозин Д. М. Разговоры о коррупции с очевидцами // Отечественные записки. 2012. № 2. С. 103–138.*
6. *Зорина З. А., Полетаева И. И., Резникова Ж. И. Основы этологии и генетики поведения. М.: Изд-во МГУ, 1999.*
7. *Кирпичников А. Взятка и коррупция в России. СПб.: Изд-во «Альфа», 1997.*
8. *Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики/Пер. с англ. А. Н. Нестеренко; предисл. и науч. ред. Б. З. Мильнера. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997.*
9. *Олескин А. В. Биосоциальность одноклеточных: на материале исследований прокариот // Журнал общей биологии. 2009. Т. 70. № 3. С. 225–238.*
10. *Панов Е. Н. Бегство от одиночества. Индивидуальное и коллективное в природе и в человеческом обществе. М.: Лазурь, 2001.*
11. *Писарькова Л. Ф. Российский чиновник на службе в конце XVIII — первой половине XIX века // Человек. 1995. № 3.*
12. *Рогозин Д. М. Обзор публикаций о коррупции // Отечественные записки. 2012. № 2. С. 24–39.*
13. *Тарасян А. Г. Сравнительный анализ динамики коррупции до и после принятия Федерального закона «О противодействии коррупции» // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2011. № 5. С. 110–113.*
14. *Шмерлина И. А. «Физика» социальности // Вестник Российской академии наук. 2003. Т. 73. № 6. С. 521–532.*
15. *Шмерлина И. А. Социальный институт: обзор исследовательских подходов // Социологический журнал. 2008. № 4. С. 53–69.*